

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. АСТАФЬЕВА»
(КГПУ им. В.П. Астафьева)
Филологический факультет

Кафедра мировой литературы и методики ее преподавания

Матвеевко Анастасия Олеговна

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

**Семейная тема и образы детей в творчестве Л. Улицкой: роман «Медея и ее дети», повесть «Веселые похороны», рассказы из цикла «Девочки»
(литературоведческий и методический аспекты)**

Направление подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)

Направленность (профиль) образовательной программы Русский язык и литературы

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

И.о. зав. кафедрой
мировой литературы и
методики ее преподавания
канд. филол. наук,
доцент Закаблукова Т.Н.

_____ (дата, подпись)

Руководитель канд. филол. наук,
доцент Садырина Т.Н.

_____ 1(дата, подпись)

Дата защиты _____

Обучающийся Матвеевко А.О.

_____ (дата, подпись)

Оценка _____

_____ (прописью)

Красноярск 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. ОБРАЗЫ ДЕТЕЙ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ТЕМА ДЕТСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Л.Е. УЛИЦКОЙ.....	6
1.1. Обзор подходов и направлений прозы Л.Е. Улицкой.....	6
1.2. Образы детей и их функции в русской литературе.....	9
1.3. Семейная тема и тема детства в произведениях Л. Е. Улицкой.....	11
ГЛАВА II. СЕМЕЙНАЯ ТЕМА, ТЕМА ДЕТСТВА, ОБРАЗ РЕБЕНКА И ЕГО ФУНКЦИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Л.Е. УЛИЦКОЙ.....	15
2.1. Тема семьи, тема детства и образы детей в романе «Медея и ее дети».....	15
2.2. Образ ребенка (подростка) в повести «Веселые похороны».....	26
2.3. Поэтика образов детей на примере сборников рассказов Л. Улицкой «Девочки» и «Детство-49».....	32
ГЛАВА III. ОРГАНИЗАЦИЯ ВНЕУРОЧНОЙ РАБОТЫ ПО ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Л. УЛИЦКОЙ).....	42
3.1. Методические рекомендации (разработка конспекта внеурочного мероприятия).....	42
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	47
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	52

ВВЕДЕНИЕ

Произведения Людмилы Улицкой вызывают особый интерес у многих исследователей: О.В. Побивайло, И.И. Корелова, Н.В. Ковтун, Н.А. Егорова, Э.В. Лариева, М.Я. Горелик и другие. В конце 1990-х годов ее творчество развивается и становится все более востребованным не только на Западе (первая публикация прозы Улицкой была во французском издательском доме «Галлимар»), но и в России. Произведения Улицкой исследуются в нескольких аспектах: мифопоэтика, этноэтика, гендерный аспект, семантический подход, «новейшая герменевтика», особенности жанра и социально-психологическая проблематика.

Такое разнообразие подходов к прозе Улицкой обусловлено в значительной мере тем, что «описывая советскую действительность, с послевоенного времени и до начала 1990-х годов, свое отношение к ней писательница выражает прямо, открыто, иногда резко отрицательно. Ярко выраженное социальное начало прозы Улицкой позволяет относить ее творчество к разным направлениям, говорит о ее связях с «жесткой прозой» или «новой волной»» [Аганесов, Колядич, Трубин 2005: 370].

Обращение к теме настоящей работы связано с тем, что в фокусе художественного внимания автора женские судьбы и семейная тема. Правомерно встает вопрос о художественной специфике образов детей, но литературоведы и критики уделяют этим образам недостаточное внимание. В рассмотрении данного художественного аспекта прозы Улицкой состоит *актуальность* предложенного исследования.

Семейная тема, по мнению многих исследователей, является ведущей в творчестве Улицкой и реализуется в произведениях разных жанров. В рамках семейной темы мы обнаруживаем, что Улицкая тяготеет к семейной хронике как сюжетно-типологической модели (роман «Медея и ее дети»). В повести «Веселые похороны» семейная тема приобретает иную трактовку, связанную с распадом традиционных представлений о семье в современном обществе. В рассказах семейная тема также значима в аспекте семья и общество.

Гипотезой нашего исследования стала мысль о значимости образов детей в произведениях писателя – представителя постмодернистской эпохи. Образы детей в произведениях Л. Улицкой наполняются онтологическим смыслом, что не было столь очевидным у писателей предшествующих поколений.

Теоретической базой для исследования послужили работы О.В. Побивайло, Г.А. Пушкарь, Т.А. Ровенской, И.Л. Савкиной и др. Кроме того, привлечены работы, в которых особое внимание уделяется интертекстуальным аспектам, семейной теме, теме детства, образу ребенка.

Объект исследования – роман «Медея и ее дети», повесть «Веселые похороны», сборники рассказов «Девочки» и «Детство-49».

Предмет исследования – семейная тема, образ ребенка.

Цель выпускной квалификационной работы: анализ образов детей в рамках семейной темы (на материале романа «Медея и ее дети», повести «Веселые похороны», рассказов из сборника «Девочки»), разработка методической рекомендации для 10-11 классов средней школы.

Задачи исследования:

- 1) проанализировать литературоведческие и литературно-критические источники по творчеству Л. Улицкой;
- 2) выявить художественные особенности образов детей и их семантику в контексте произведений;
- 3) разработать методические материалы для десятого/одиннадцатого класса средней школы.

Материалами исследования в качестве основного источника послужили: роман Л.Е. Улицкой «Медея и ее дети», повесть «Веселые похороны», сборники рассказов «Девочки» и «Детство-49», сборник интервью с писателем.

Научная *новизна* работы состоит в том, что в современном литературоведении уделяется недостаточное внимание образам детей

(подростков) в произведениях Л. Улицкой, а предлагаемое исследование восполнит данный пробел.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования материалов исследования в школьном историко-литературном курсе в десятом/одиннадцатом классах.

В данной работе были использованы следующие *методы* исследования: описательный, историко-литературный, комплексный анализ и метод мотивного анализа.

Структура. Настоящее исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка используемых источников.

Работа прошла апробацию на трех конференциях: Международная научно-практическая конференция, посвященная 95-летию В.П. Астафьева «Творчество В.П. Астафьева в контексте национальной истории и культуры» (2019 г.), VIII Международный научно-образовательный форум «Человек, семья и общество: история и перспективы развития» (2 место, 2019 г.), XVI Всероссийские с международным участием научные чтения молодых исследователей, посвященных памяти В.И. Даля (заочное участие, 2019 г.).

Также две статьи, которые послужили материалом для ВКР, опубликованы в следующих сборниках: «Актуальные проблемы современной филологии: материалы IX Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых» (2019 г.), «Всероссийские с международным участием научные Далевские чтения молодых исследователей: материалы XVI чтений, посвященных памяти В.И. Даля» (2019 г.).

ГЛАВА I. ОБРАЗЫ ДЕТЕЙ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ТЕМА ДЕТСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Л.Е. УЛИЦКОЙ

1.1. Обзор подходов и направлений прозы Л.Е. Улицкой

Специалисты на протяжении тридцати лет уделяют внимание изучению произведений Л. Улицкой, но до сих пор нет единого мнения даже относительно проблематики творчества Улицкой. Вызвано это в том числе разнообразием подходов к ее прозе. Мы можем выделить следующие из них: мифопоэтика, этноэтика, гендерный аспект, семантический подход и «новейшая герменевтика».

Самое большое количество исследований выполнено на основе мифопоэтического подхода. Н. Егорова определяет тексты Улицкой как «явление новой прозы» [Егорова 2007: 105], основная характеристика которой – размывание жанровых границ. Подобный осмысленный синтез помогает писательнице полностью «раскрыть» человека. Исследовательница подчеркивает присутствие авторской игры и строгую ориентацию писательницы на читателя, способного вникнуть в мифопоэтику текста, читателя, «мыслящего категориями отечественной истории и культуры». Резюмируя, автор диссертации отмечает, что Улицкая «позволила освободить реалистическое письмо от социополитической детерминированности», относя современного автора [Улицкую] к «маргиналам реализма и соцреализма».

Опираясь на известную публикацию О. Дарка, назвавшего Улицкую явным представителем «постмодернизма», Т. Скокова смотрит на писательницу через призму поэтики постмодернизма. Исследовательница заключает, что элементы творчества литератора – темы, характеры, сюжеты – резонируют с классической литературой. Критик отметила, что автору удается органично совмещать «традиции русской классической литературы и эстетики постмодернизма» [Скокова 2010: 107], что составляет исключительность ее творчества.

Этнопоэтический подход тоже является популярным среди исследователей. С. Беляков уверяет, что «книга Улицкой – это разумное,

грамотное, хорошо обоснованное оправдание национализма». Подчеркивая, что «еврейская тематика, растворившись, присутствовала во всех значимых детищах автора, оставаясь незамеченной за ширмой сюжетных поворотов семейных романов» [Беляков, 2007].

М. Горелик рассматривает Л. Улицкую как автора произведений, пронизанных христианской мифологией, подчеркивая тем самым ее уникальность и новаторство: «Признаки тринитарного и литературного богословия, экклезиологии, сотериологии, мариологии, христологии наполняют книгу» [Горелик 2007: 63]. В следующем абзаце дополняет, что образ героя произведения «Даниель Штайн, переводчик», в понимании Улицкой, – «один из тех камней, на котором зиждется Церковь» [там же].

Анна и Константин Смородины в статье «Казус от Улицкой» рассматривают произведение, выстраивая семейные, еврейские, божественные смыслы около Евангельских мотивов [Смородина, Смородин 2008: 218]. Критики замечают особую Ветхозаветную структуру работ Улицкой, причем дело не просто в безвыходности мифологичного мира, построенного автором, а во всем, «даже интуитивном, неназванном, на что натываются в своих поисках герои повестей».

Многие литературоведы выделяют гендерный аспект в творчестве писательницы. Особое место занимает диссертация Т. Казариной, позволившей взглянуть на произведения Улицкой как модификацию «женской прозы». «Л. Улицкая словно бы и всегда здесь была, прочно и уверенно занимала свое законное место на той литературной территории, которая называется у нас «женской прозой» [Казарина 1996: рецензия], – пишет исследовательница в рецензии на сборник Л. Улицкой «Русское варенье», считая автора образцом постмодернистского направления: «умение говорить одновременно о жизни и о литературе с жизнью и литературой делает ее героиню уже другой, постмодернистской формации».

Семантический подход – важнейший в работах И. Кореловой, изучавшей национальную концептосферу и идиоконцептосферу в творчестве

писательницы. Используя концептуальную выборку из текстов Улицкой, рассматривая семантическую составляющую слов, выявляя особенности художественного мышления автора в лингвокультурных аспектах, исследовательца в итоге предлагает модель индивидуально авторской концептосферы Л. Улицкой [Корелова 2009: 3].

Любопытно, что сама Л. Улицкая относит собственное творчество к герменевтическому направлению. Писательница утверждает: «Ирония, в конце концов, тоже не более чем прием. Ирония тоже себя отработает и тогда, придет нечто следующее, своего рода герменевтика, например. Или культурные шифры иного рода» [Улицкая 2000].

1.2. Образы детей и их функции в русской литературе

Традиционно ребенок в русской литературе является носителем таких качеств, как нравственная чистота, близость с природой, невинность. Детей нередко сравнивают с ангелами, говоря не столько об их внешней красоте, сколько о непорочности, непричастности к социальному, навязанному миром взрослых, злу в силу «нежного» возраста.

Значение (функции) образов детей в художественной литературе можно условно классифицировать в двух аспектах (примерами могут служить рассказы А.П. Чехова, В.Г. Короленко, Л.Н. Андреева, А.П. Платонова и др.):

- образы детей существенно дополняют, раскрывают образы взрослых персонажей, могут указывать на жизненные перспективы (М.А. Шолохов и др.);
- образы детей обладают самоценностью, автор раскрывает психологию ребенка, его взгляды на мир, и через судьбу ребенка рассматривается социально-нравственная проблематика (В.Г. Короленко, А.П. Платонов, В.П. Астафьев и др.).

В работе М.Е. Рябцевой, М.В. Топчиевой «Топос детства в современной русской литературе» анализируются не собственно образы, а хронотопы, с помощью которых можно проследить эволюцию ребенка, его взросление, внутренние изменения в нем и к тем местам, в которых ему приходилось находиться (школа, сад, больница, дом и др.).

Пространственные образы и модели, связанные с образом ребенка и темой детства, являются метаязыком, с помощью которого выражаются понятия, которые «сами по себе не имеют пространственной природы» [Лотман, 1998: 212], – жизнь и смерть, бренность земного бытия, вечный поиск гармонии и идеала. Исследователи пишут, что семантическим ядром пространственной структуры «детского» топоса является архетип ребенка и комплекс соответствующих образов и мотивов, сформированных под влиянием русской литературной традиции.

Идиллический хронотоп детства традиционно соотнесен с архетипическими образами и мотивами, такими, как образ дома или «образ счастливого места», образ матери, отца, ребенка, комплекс солярных мотивов, мотив изобилия, «золотого века», мотив потерянного рая и т.д. Архетипические образы и мотивы «детской» темы нередко выступают в качестве литературных «сигналов» узнавания традиционной для читателя проблемы.

В статье «Специфика воплощения темы детства в прозе Л. Улицкой» О.Ю. Осьмухина пишет, что «на протяжении полутора столетий в отечественной и западной словесности детская проблематика рассматривалась в различных аспектах: детский взгляд как особый вид мировосприятия; ребенок как носитель определенных, недоступных взрослым качеств и воззрений; дитя как символ вечности природного и человеческого бытия; ребенок как жертва мира «взрослых».

В ходе исследований были выделены следующие особенности топоса детства в современной литературе: 1) пространство детства оказывается проницаемым, незащищенным от вторжения разрушительных сил смерти и энтропии; 2) особое значение обретает тема утраченного рая, обнажающая конфликт детского и взрослого мира; 3) идиллическому хронотопу, традиционно соотнесенному с темой детства, противопоставлен мортальный топос (топос смерти) и патографический (развитие психики) топос.

Современные отечественные прозаики (Т. Толстая, Б. Акунин, В. Пелевин, В. Сорокин и др.) крайне редко избирающие ребенка (подростка) сюжетно значимым образом, тем не менее нередко обращаются к детской теме, предлагая весьма своеобразные ее интерпретации: от символического изображения детства и младенчества как «утраченного рая» (Т. Толстая), соотнесенности его с темой тотального сиротства и одиночества (П. Санаев, Д. Липскеров) до детской жертвенности и слияния с вечностью (В. Сорокин).

1.3. Семейная тема и тема детства в произведениях Л. Е. Улицкой

Многие специалисты выделяют семейную тему как одну из ведущих в женской прозе. Об этом пишут такие исследователи современного литературного процесса, как И. М. Попова, Е. В. Любезная, Г. А. Пушкарь, Т. А. Ровенская, И. Л. Савкина.

Известный петербургский исследователь русской литературы М. А. Черняк также полагает, что «мысль семейная» – основная тема женской прозы. В традиции русской классической литературы семья – нравственная основа человеческого быта и бытия. Семейная проблематика охватывает почти все произведения XIX века.

Век XX – страшный и трагический – внес свои коррективы в восприятие этой темы [Черняк 2004: 170]. Произведения писателей-женщин в отечественной литературе фиксируют кризисное состояние семьи в российском обществе, вместе с тем содержат в себе попытку осмысления института семьи, ее понимания, восприятия в сегодняшнем социуме.

Так, в творчестве Л. Петрушевской, как полагают Н.Л. Лейдерман и М.Н. Липовецкий, выражена катастрофа современной семьи: «Драматическая ситуация у Петрушевской всегда обнажает искаженность человеческих отношений, особенно в семье или между мужчиной и женщиной» [Лейдерман 2001: 204].

В прозе Л. Улицкой тема семьи является доминирующей. На это указывают многие исследователи ее творчества. О. В. Осьмухина пишет о том, что «центром художественного мира Улицкой является семья» [Осьмухина 201: 147]. «Природа ее произведений такова, - полагает М. Золотонос, – что все в них постоянно колеблется между семейным (по образцу XIX века) и женским романом современной поп-культуры, в котором выражены «женские мечты» и даются перечни типовых обид и желаний» [Золотонос 2004: 7].

«Семейный» характер произведений автора отмечают такие литературоведы, как Н. Б. Иванова, И. Л. Савкина, Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий, С. И. Тимина. Н. А. Егорова обращается к образу семьи,

анализируя жанровую структуру романов «Медея и ее дети» и «Казус Кукоцкого». Л. Улицкая создает «синтетическое» жанровое образование, которое соединяет признаки жанров семейной хроники, семейной саги, жития, притчи [Егорова 2007: 138].

В диссертации О. В. Побивайло «Мифопоэтика прозы Людмилы Улицкой» имеется отдельный параграф «Мифология семьи», в котором исследователь рассматривает романы Л. Улицкой, применяя мифопоэтический анализ [Побивайло 2009: 3].

Исследовательница рассмотрела фабулу известных произведений автора сквозь семейные и архаические мифы, идентифицировала поэтику Улицкой как существующую на стыке межинволюционными и эволюционными процессами, что рождает особый, авторский «неомифологизм».

В диссертационном исследовании «Концепция семейственности и средства ее художественного воплощения в прозе Л. Улицкой» материалом для диссертации главным образом послужили произведения «больших» жанров (романы «Медея и ее дети», «Казус Кукоцкого», «Искренне Ваш Шурик»). Э.В. Лариева анализирует особенности семейной проблематики в прозе Л. Улицкой и указывает формы и средства ее художественного воплощения.

Автор диссертационного сочинения рассматривает систему устойчивых образов, выявляет типы «семейных» героев: герой-создатель, хранитель семьи, герой-праведник и герой-разрушитель, демонологический персонаж. Также исследователь обращается к рассмотрению семейного хронотопа, к его функциям и семантике [Лариева 2009: 4].

В произведениях Л. Улицкой можно обозначить две противоположные тенденции изображения темы детства. Согласно первой, традиционной, детство осмысливается как прекрасная пора человеческой жизни, «счастливейшие часы» («Казус Кукоцкого»), «милое, радостное, золотое, счастливое время» («Медея и ее дети»). Значимой для персонажей становится память о детстве – автор широко использует художественный прием

воспоминания героев о детских годах и родной семье. Эти воспоминания зачастую вызывают сложные, противоречивые чувства («умиление, гнев, тоску и нежность»), но они никогда не оставляют равнодушными. Воспоминания о детстве становятся своего рода источником собирания распавшегося «я».

Детскость (сходство взрослого с ребенком) становится ценностной категорией в художественном сознании Л. Улицкой. Не случайно ее героини, обладающие неким тайным знанием, наделены чертами, присущие детям: доверчивостью, искренностью и мечтательностью – Сонечка; душевной чистотой, непостижимой интуицией и светлым, открытым отношением к миру – Медея; «незамутненностью» восприятия, наивностью представлений о мире – Василиса; способностью видеть в привычном неожиданные и надобывденные смыслы – хрупкая и нежная Елена Георгиевна Кукоцкая и др.

В Елене Георгиевне, занимающей в романе «Казус Кукоцкого» центральное место, актуализированы такие свойства, как ранимость, сверхчувствительность, слабость, неординарность. Она воплощает собой образ женщины-ребенка. Писатель подчеркивает ее детскость, которая проявляется как на бытовом (необходимость опоры, беспомощность в хозяйственных делах, крайняя бескомпромиссность в отношениях с мужем), так и на творческом уровне (богатое воображение, игра подсознания, некая абсурдность мышления). Именно этой героине автор дает возможность совершить «путешествие в седьмую сторону света» (второе название романа) – иную духовную реальность с целью самопознания, миропознания и, в некотором смысле, богопознания.

Вторая тенденция характеризуется представлениями о детстве, как об очень тяжелом, драматичном периоде человеческой жизни. Зачастую дети в прозе Л. Улицкой – это «маленькие взрослые». В этом случае тема детства приобретает отрицательные коннотации в тех произведениях автора, в которых исследуются истоки развоодушевления людей, в результате которого

исчезают духовные традиции, утрачиваются родственные связи, происходит нравственное вырождение личности.

В прозе Л. Улицкой – от ранних рассказов и повестей до прозы последних лет – наблюдается перманентное обращение к детской тематике. При этом детская тема реализуется в творчестве писательницы разнонаправленно. Так, в рассказах Л. Улицкая изображает мир детства, всегда наполненный «девичьими» тайнами («Ветряная оспа»), выстраивающийся по собственным законам, нередко гипертрофированно жестокий (цикл «Девочки»), в котором взрослым нет места и они выполняют лишь «вспомогательную» функцию («Бронька»); иногда детство – это лишь фиксация мига счастья, проецирующегося как воспоминание на всю последующую жизнь взрослых («Счастливые»), или, напротив, оно безрадостное, не отпускающее давно повзрослевших персонажей («Сонечка»).

В романах писательницы детская тема несколько эволюционирует. К примеру, в «Медее и ее детях» или в «Казусе Кукоцкого» детство, вписанное в большую историю рода Синопли / Кукоцких, вновь являет себя через общие тайны, взаимоотношения детей, которые, хотя и пытаются отгородиться от взрослых, но одновременно копируют поведенческие модели родителей, воспроизводят их отношения: «женское кокетство, и ревность, и петушиное удалство» [Улицкая, 2018: 121].

С другой стороны, детство мыслится как первооснова становления личности, пространство осознания себя в «большом» мире и времени, а потому детям здесь «дают слишком много свободы», «ужасно им потакают».

В «Медее и ее детях» мир детства являет себя и в мире вещном – от дома бездетной Медеи, являющегося воплощением родовой памяти, где детскими воспоминаниями наполнен каждый предмет, до кожаного сундучка, перед которым «три поколения девочек замирали <...> с вожделением» [Улицкая, 2018: 189].

В «Зеленом шатре» тема детства непосредственно сопрягается с проблемой взросления, но не столько физического, сколько духовного. Хотя

сюжетное действие развивается как история детства («Они были нормальные дети – баловались на уроках, перекидывались шариками из жеваной бумаги, брызгали друг в друга водой, прятали портфели и учебники, жадничали, дрались, пихались, как щенята, а потом вдруг замирали и задавали настоящие вопросы» [Улицкая, 2011: 80]) и постепенного взросления нескольких героев. Доминантной становится осмысление возможности «нравственной инициации», которую проходят мальчики от одиннадцати до четырнадцати лет, и которую пробуждает некое «переворачивающее душу, пробуждающее ее событие» [Улицкая, 2011: 79]. Или, напротив, невозможности такой инициации, когда физически взрослые люди остаются невыросшими «личинками», «подростками, закамуфлированными под взрослых» [Улицкая, 2011: 80].

Детская тема преломляется и в сборнике эссе «Священный мусор»: неслучайно книга открывается главой «Детство», где Л. Улицкая через призму личных воспоминаний размышляет о детстве как проживании границы «персонального опыта» «между “я” и “не-я”» [Улицкая, 2018: 24] и вновь, как и в «Зеленом шатре», апеллирует к «биологической» составляющей личности.

Теперь, однако, писательница отождествляет детство со старостью, обращаясь к «глубокой смысловой рифме – стар и млад»: «В ранние годы <...> индивидуальные различия между людьми гораздо сильнее, чем те, которые определяются полом. <...> Потому что в самом раннем возрасте пол еще не нужен, и совсем юное существо свободно от его неукоснительных законов. Как и в старости, после выполнения программы продолжения рода, когда пол уже не нужен. Человек, исходя из этого, наиболее полно выражает свое человеческое содержание в раннем детстве и в поздней старости» [Улицкая, 2018: 25].

Таким образом, тема детства рассматривается Л. Улицкой в художественной прозе, расширяясь и углубляясь от рассказов к романам, переносится из сферы сугубо психологической в область метафизическую, связывается с проблемой восприятия ребенком основополагающих

нравственных ценностей; в прозе детство мыслится писательницей как пробуждение «я», исток всей последующей жизни.

ГЛАВА II. СЕМЕЙНАЯ ТЕМА, ТЕМА ДЕТСТВА, ОБРАЗ РЕБЕНКА И ЕГО ФУНКЦИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Л.Е. УЛИЦКОЙ

2.1 Тема семьи, тема детства и образы детей в романе «Медея и ее дети»

Роман «Медея и ее дети» был написан в 1996 году. В нем описывается многочисленная многонациональная семья Синопли, их хрупкие внутрисемейные отношения: «Семья была столь велика, что являла бы собой прекрасный объект для генетика, интересующегося распределением наследственных признаков. Генетика не нашлось, зато сама Медея, со свойственным ей стремлением все привести к порядку, <...>, не однажды в своей жизни забавлялась, выстраивая своих братьев и сестер в шеренгу по усилению рыжести – разумеется, в воображении, поскольку она не помнила, чтобы вся семья собиралась вместе <...>». [Улицкая 2018: 9].

Основное действие романа происходит в Крыму, в доме Медеи Синопли. Также топосами романа являются Ташкент, Расторгуево и Москва. Главная идея произведения – семья как высшая человеческая ценность.

Семейные традиции представляют особенную ценность для рода Синопли. В доме Медеи были заведены порядки, которые не нарушались, это негласные правила, соблюдаемые всеми, кто жил в ее доме. Например, кормить детей за отдельным столом или не задавать вопросов Медее по утрам, так как она была молчалива. Она становится своего рода стержнем, вокруг которого сплетаются судьбы молодых представителей рода с их эмоциями, переживаниями, страстями.

Реализация семейной темы и темы детства в романе «Медея и ее дети» начинается с поэтики заглавия, в котором отражается вектор отношений главы семейства (физиологически бездетной Медеи) и всех членов семьи, так как для главной героини детьми являются все многочисленные родственники, от братьев и сестер до племянников, в том числе и погибший единственный муж Медеи – Самуил.

Медея Синопли своего рода божество для своей большой разветвленной семьи, она собирает, соединяет, склеивает своей кровью хрупкие внутрисемейные связи. «Спустя много лет бездетная Медея собирала в своем доме в Крыму многочисленных племянников и внучатых племянников и вела над ними свое тихое ненаучное наблюдение. Считалось, что она их всех очень любит. Какова бывает любовь к детям у бездетных женщин, трудно сказать, но она испытывала к ним живой интерес, который к старости даже усиливался» [Улицкая, 2018: 10].

В романе наблюдается деструкция рода и семьи, отчасти обусловленная социокультурными факторами, что приводит к изменениям гендерных ролей в социуме, когда женщина в современном мире, вопреки архаическим представлениям о мужчине-охотнике, основателе рода, создателе семьи, вынужденно принимает эту функцию на себя. Несмотря на исторические события (война, революция в Крыму), а также эмиграции, семья Синопли сохраняет на расстоянии свои отношения, единым центром которых является – Медея. На протяжении всего романа, мы наблюдаем сохранившиеся письма, ведущиеся переписки, составление расписания, посещения домика Медеи и объединение всей рыжеголовой родни на похоронах Маши.

Обратимся к анализу образа Маши более подробно. Сюжет о ее жизни является вставным в общую рамку романа, тем самым расширяя не только повествование о разных поколениях, но и описывая реалии наступившей новой жизни. Наряду с темой семьи и образами детей явно прослеживается мотив сиротства. Маша, будучи ребенком, потеряла своих родителей в автокатастрофе, об этом она смогла рассказать только своему будущему мужу Алику, перед этим прочитав стихотворение в память о родителях. Машу на попечение взяла к себе генеральша Вера Ивановна – бабушка по маминой линии. Сандрочка (Александра – сестра Медеи, мать Сергея – отца Маши), не могла забрать ее к себе и уговорила Машу остаться с бабушкой, так как нельзя было оставлять Веру Ивановну одну.

У Маши не сложились хорошие отношения с Верой Ивановной. Бабушка не просто контролировала жизнь Маши, она ее проклинала за то, что ее единственная дочь Татьяна погибла, по мнению бабушки Веры, из-за Маши. Бабушка Вера сознательно заставляла Машу заниматься нелюбимым делом – играть на пианино: «Вера Ивановна знала, что девочка ненавидит эти занятия. Она садилась сбоку от нее, глядела и все шептала, шептала что-то, и у Маши на глазах выступали слезы, сбегали по щекам и оставляли холодеющие мокрые следы» [Улицкая, 2018: 135].

Бабушка Вера каждый вечер приходила в комнату к Маше. Девочка каждую ночь ждала, «когда заскрипит дверь», и в комнате появится бабушка. Один из таких вечеров она запомнила на всю жизнь «<...> Вера Ивановна, сидя в полосе красного света, шептала протяжно и внятно: - Убийца, убийца маленькая... Ты позвонила, вот они и поехали... из-за тебя все... Живи теперь, живи, радуйся» [Улицкая, 2018: 136].

Из-за безумия бабушки Веры они не могли стать друг другу близкими людьми. Бабушка, несмотря на кровное родство, ненавидела внучку и не смогла стать ей наставницей. Безумие взрослого лишило Машу биологического и духовного родства. Покровителем для Маши должна была стать Медея. Она является не только центром всего рода Синопли, но и нравственным эталоном, автор говорит о ней как о праведнице. Но почему же Улицкая не наделяет ее функцией покровительства и опеки над Машей? Возможно, это художественный просчет автора, или же покровителем должна была стать Сандрочка, которая, в силу своего мировоззрения и увлечения страстями собственной жизни, просто не могла стать таковой.

С мотивом сиротства сопряжена тема покинутого ребенка, каковым является сын Маши – маленький Алик. Ощувив новое чувство с Бутоновым, Маша полностью отдается ему, начинает зависеть от их встреч, тем самым ставя под угрозу свой брак, несмотря на то что Алик большой понимает и воспринимает отношения Маши и Бутонова, он обеспокоен психологическим состоянием жены.

Маша отстраняется и абстрагируется от своего ребенка, как бы покидая его не только физически, но и духовно. Прослеживая взаимодействия родителей и детей у прошлых поколений и сравнивая их с отношениями молодого поколения, мы видим, что они [отношения] переходят в другую стадию не только между мужчиной и женщиной, но также между матерью и ребенком.

Все это доказывает, что в художественной реализации семейной темы Улицкая проводит мысль о деградации и распаде семьи. Автор показывает, что человек, не имеющий духовного родства и покровительства, может не совладать со своими стихийными чувствами, быть эмоционально-неустойчивым и может быть подвержен разного рода опасностям.

Тема детства реализуется, в первую очередь, в судьбе главной героини. Описание ее затворнической чистой жизни и устройство ее быта дает понять читателю, что Медея сохранила в себе ту прекрасную пору юности (девичества): «Она лежала на своей узкой *девичьей* кровати...» [Улицкая, 2018: 59], но при этом не утратила своей кроткой наблюдательности: «Благодаря также природной наблюдательности она многое замечала в жизни своих молодых родственников такого, о чем они и не подозревали» [Улицкая, 2018: 59].

Медея молчалива, никогда не дает советов, но при этом всегда рефлексировать, особенно по поводу воспитания детей: «Они слишком суровы с детьми, – думала она утром. Они дают им слишком много свободы, – делала она вывод днем. Они ужасно им потакают, – казалось ей вечером. Одновременно восхищаясь, завидуя и порицая, она еще не догадалась, что все дело в том, что детям у них отводилась определенная часть жизни, но не вся жизнь» [Улицкая, 2018: 91]. На наш взгляд, ее это так волнует потому что она видит, как изменяется отношение к браку и к воспитанию детей: «Жизнь послевоенного поколения <...>, казалась ей несколько игрушечной. Ни в браках, ни в материнстве не чувствовали они той ответственности, которая с раннего возраста определила ее жизнь» [Улицкая, 2018: 60]. Стоит отметить,

что и количество детей в одной семье у поколения 60-70-х годов значительно снизилось. Семьи, как правило, состоят из трех человек, реже в семьях бывает 2-3 ребенка, что было немыслимо для предыдущих поколений. Меняется не только отношение к семье и браку, но и отношение нового поколения к самому себе.

В произведении дети не чувствуют этих изменений и не знают, что именно думает Медея. Они растут так, как им это позволяют, но они перенимают качества, присущие Медее, и порядок, заведенный в ее доме. Сын Георгия Артем очень восприимчив к настроению отца: «<...> со скрытым раздражением бросил он сыну, *отлично разбиравшемся* в оттенках отцовской речи» [Улицкая, 2018: 43]. Дети подражают и копируют ситуации взрослых: «<...> Дети были почти ровесники, <...> забавляя всех, постоянно воспроизводили взрослые взаимоотношения: женское кокетство, и ревность, и петушиное удовольствие» [Улицкая, 2018: 51].

В романе мы наблюдаем за тем, как автор препарировывает детскую психологию и показывает читателю тонкие грани их взрослой игры. Например, Катя, отчисленная из Балетного училища Большого театра, «<...> сохранила все повадки профессиональной балерины <...>» [Улицкая, 2018: 41]. При встрече с Медеей, Георгием и Артемом она «<...> застыла в позиции [«Подбородок вверх, плечи вниз, грудь вперед, живот назад, а носочки в разные стороны»], давая всем насладиться красотой балетного искусства, которое она все еще продолжала представлять <...>» [Улицкая, 2018: Там же]. Артем, незаслуженно ею отвергнутый, отворачивался от нее, либо смотрел ей вслед и принимал всю эту молчаливую игру «<...> с неиспытанной прежде сердечной болью» [Улицкая, 2018: 42].

Одна из основных проблем всегда – проблема «отцов и детей». Медея очень точно и мудро определяет поколение детей: «Когда-то поколение считалось по тридцатилетиям, теперь, я думаю, каждые десять лет они меняются. Вот эти – Катя, Артем, Шушины близнецы и Софико – очень целеустремленные. Деловые люди будут. А эта мелочь нежная,

любвеобильная, у них все отношения, эмоции...» [Улицкая, 2018: 91]. Эти слова Медеи характеризуют ее как тонкого наблюдателя и психолога человеческой души, способного подмечать и анализировать не только явные, но и скрытые черты и детали. «Она [Медея] знала: кроме обычных причинно-следственных связей, между событиями существуют иные, которые связывают их иногда явно, иногда тайно и иногда вовсе непостижимо» [Улицкая, 2018: 99].

Как мы уж обозначали выше, все поколения являются детьми для главной героини. Также читатель может наблюдать, что дети, которые не являются биологическими для главной героини и других персонажей, не обделены вниманием и заботой. Они являются детьми на духовном уровне. Примечательно, что у «приемыша» Шурика «...мизинец был короткий, едва доставал до конца правой фаланги безымянного» [Улицкая 2018: 248]. Леночка, мама приемного Шурика, лишилась своей семьи в годы юности, а в годы войны погиб ее старший девятнадцатилетний сын. Леночка с благородством приняла Шурика. Шурик, в свою очередь, был очень привязан к Феде, который и забрал его из детского дома.

Помимо приемного Шурика, в доме Леночки находились ее внуки Шуша и Павлик. Медея наблюдала и анализировала их поведение, подмечала особенности характера: «Шуша держалась высокомерно и отчужденно, но имела вид человека, погруженного в свои мысли. Ее младший брат Павлик целыми днями играл на скрипке, а когда появлялся во дворе, то был слишком уж вежлив. Медея искала в них родовые приметы и не находила: азиатская кровь в этих детях полностью победила греко-армянскую» [Улицкая, 2018: 195].

Улицкая в очередной раз варьирует тему родства. Мотив некровного/духовного родства осуществляется через *детей*. Чтобы стать членом семьи Синопли, не обязательно быть кровным родственником, им можно стать в результате супружества, через *воспитание детей* «...женщины расходились с одними мужьями, выходили за других. Новые мужья

воспитывали старых детей, рожали новых, сводные дети ходили друг к другу в гости, а потом бывшие мужья приезжали сюда с новыми женами и с новыми детьми, чтобы вместе со старшими провести отпуск» [Улицкая 2018: 59].

К тому же важным для Улицкой является родство душ и характеров ее героев, и это прослеживается через главную героиню Медею и ее любимого племянника Георгия: «Медея и Георгий <...> радовались друг другу. У них было много общего: оба были подвижны, легки на ногу, ценили приятные мелочи и не терпели вмешательства в их внутреннюю жизнь» [Улицкая 2018: 26]. Георгий продолжил после смерти Медеи их семейную традицию. Все они объединяются вокруг небольшого домика своей родственницы Медеи в Крыму.

Символическое значение обретает *образ дома Медеи* – это своеобразный символ истоков рода, и в романе проводится мысль о существовании общей для всех прародины на берегу моря. В ее такой холодный и одинокий зимой дом летом набивалась масса народа, и этот дом начинал напоминать *дом ее детства*, в котором постоянно было *множество детей*, где каждая мелочь знакома с ранних лет. Именно поэтому члены семьи Синопли ежегодно возвращаются в дом Медеи, где преемственность поколений не нарушается даже после смерти героини.

Медея *стала матерью для многочисленной родни*, которую она вырастила с детства. «Поскольку племянников было около тридцати, график составляли еще зимой: больше двадцати человек четырехкомнатный дом не выдерживал» [Улицкая 2018: 11], поэтому у Медеи всегда в доме были гости. К Медее как к центру семьи стремились многочисленные братья и сестры, их дети и внуки. Ее дом – это символ семейного счастья, в нем собирались не только родственники, но он притягивал к себе разноплеменное множество небритых студентов и непричесанных девушек – из Литвы, из Грузии, из Сибири и Средней Азии.

Тема детства непосредственно сопряжена с семейной темой в романе «Медея и ее дети». На протяжении всего произведения читатель наблюдает за

тем, как воспитывают, хранят традиции, передают из поколения в поколение вещи и наставления, как поколения рождаются физические сходства и сходства характеров. Все это неотделимо друг от друга, рождение и воспитание, отношения старших поколений с младшими, но ребенок, даже если он вырос, все равно остается главным персонажем в произведении. За ним наблюдают, его оберегают и воспитывают, дают ему советы и учатся понимать его.

Семья как объединение всех поколений, которые воспитывали друг друга, остается в романе нерушимой. Она представлена целостно, несмотря на ссоры, обиды, порой предательства. Образ Медеи воплощает в романе тему семьи/рода, отражает авторскую идею: «Семья – основа всего, но семейное начало постоянно вытравлялось, навязывалась идея, что общественное выше личного. Роман «Медея и ее дети» – «это книга, посвященная старшему поколению, - это в некотором смысле мой вопль о семье [Максимов 2005]», – говорит Л. Улицкая.

Итак, подведем итоги анализа художественного и литературоведческого материала. Тема семьи/рода актуализируется в прозе рубежа XX-XXI веков, и, в частности, в раннем и позднем творчестве Улицкой. В своих произведениях она показывает особое (онтологическое) значение традиционных семейных ценностей (важность генетической памяти, дома, семьи, продолжения рода, ответственности перед предками и будущими поколениями), показывает преемственность физических черт и характера, единение на духовном уровне. Возможность стать членом семьи через брак, усыновление, принятие в семью людей разных национальностей и культур, возможность всегда вернуться под родной кров, где каждая мелочь знакома с детства, – все это составляет бытийный план существования.

Тема детства в романах Улицкой эволюционирует. С одной стороны, оно [детство] вписывается в большую историю рода, с другой стороны, детство мыслится как первооснова становления личности, пространство осознания себя в «большом» мире и времени. В «Медее и ее детях», кроме того, мир детства являет себя и в мире вещном – от дома бездетной Медеи, являющегося

воплощением родовой памяти, где детскими воспоминаниями наполнен каждый предмет, до кожаного сундучка, перед которым «три поколения девочек замирали <...> с вожделением» [Улицкая 2018: 204].

Тема детства сопряжена с семейной темой в творчестве Л.Е. Улицкой, она расширяется и углубляется, переносится из сферы сугубо психологической в область метафизическую, связывается с проблемой восприятия ребенком основополагающих нравственных ценностей. В рассматриваемом нами произведении, ребенком является каждый член семьи, от братьев и сестер до единственного мужа. Детство – это то, что оберегается и хранится в памяти каждого. В прозе Улицкой детство изображено как период пробуждения «я», исток всей последующей жизни.

2.2. Образ ребенка (подростка) в повести «Веселые похороны»

Повесть была написана в 1997 году. Главный герой повести – Алик, художник, который умирает в своей квартире в окружении своих многочисленных женщин, среди которых, находится его дочь.

Обратимся к анализу повести «Веселые похороны», которая впервые была опубликована в журнале «Новый мир». Местом действия в повести становится Нью-Йорк. По мнению Улицкой, эмиграция - «такое место, где все обостряется: характер, болезни, отношения».

Сама Улицкая в интервью говорит об этом произведении: «Эта повесть связана с довольно значительным куском моей жизни. Мои дети десять лет прожили в Америке, и я из года в год приезжала, проживала вместе с детьми – очень отрывчато и очень избирательно – американскую иммиграцию. Общалась с одними и теми же людьми, десятилетие наблюдала развитие отношений, сюжетов, судеб...» [Георгадзе, 2003]. Данная цитата отсылает нас к семейной теме, которая характерна для прозы Улицкой, и в контексте семейной темы особую смысловую нагрузку несут образы детей.

Судя по содержанию повести «Веселые похороны», можно высказать предположение, что Людмила Улицкая создает собирательный образ русской эмиграции конца 80-х годов как трансформацию библейского мотива «блудного сына», поскольку поэтика произведения – поэтика постмодернизма. Можно обнаружить элементы поэтики игры, характерной для текстов эпохи постмодернизма. В данном тексте поэтика игры реализуется в двух аспектах: 1. игра слов, 2. игра смысла.

Игра слов, в свою очередь, также имеет два значения: 1. Блудный – блудный сын (книжн.), о том, кто раскаялся и вернулся к прежнему после постигших его неудач [по евангельской притче о непочтительном сыне, ушедшем из дома и после долгих скитаний вернувшемся под родной кров] [Толковый словарь Ожегова и Шведовой]. Герои повести покинули свое Отечество, но они не думают о возвращении, а о том, что происходит на Родине, слышат только по телевизору. Блудный (от слова блуд) – Половое

распутство [Толковый словарь Ожегова и Шведовой]. Второе значение также реализуется в повести, когда вокруг главного героя собираются одновременно три его женщины (жена, первая любовь и любовница). Библейский мотив является часто используемым в русской литературе вообще, и Улицкая продолжает эту традицию.

Игра смысла заключается в том, что библейский мотив трансформируется. Как бы герои не хотели вернуться в свое Отечество, они прикованы болезнью Алика к чужой земле, и тот факт, что они покинули Россию, роднит их: «Все сидящие здесь люди, родившиеся в России, различные по дарованию и по образованию, просто по человеческим качествам, сходились в одной точке: все они так или иначе покинули Россию. <...> Как бы не разнились их взгляды, как бы не складывалась в эмиграции жизнь, в этом поступке содержалось не отменимо общее: пересеченная граница, пересеченная, запнувшаяся линия жизни, обрыв старых корней и выращивание новых, на другой земле, с иным составом, цветом и запахом» [Улицкая, 2018: 132-133].

Алик неизлечимо болен. Он и все его друзья ютятся в маленькой квартире-студии, живут впроголодь, и даже если бы они раскаялись и признали свои неудачи, они бы не смогли вернуться обратно, потому что тот самый «родительский кров» разрушается и возвращаться в неизвестность и пустоту было бы куда страшнее и ненадежнее, чем оставаться в эмиграции и нищете.

В повести разрушается традиционный образ семьи. Представлен некий суррогат, квазисемья, в которую люди объединяются в ситуации эмиграции, тоски по родине, в желании иметь хотя бы подобие родственных отношений, проявляющихся в сочувствии к умирающему мужчине.

Главный герой Алик, его медленный уход из жизни объединяет трех женщин (жена, первая любовь и любовница), каждая из которых по-своему помогает Алику, друзей и единственного внебрачного ребенка. В произведении можно наблюдать инверсию мотива «о блудном сыне» – мотив

«блудного отца». Алик (отец Тишорт) был свободолюбивым художником, который принимал эпоху во всех ее смыслах, особенно ратовал за свободу отношений. Ирина (мать Тишорт) была такого же свободного нрава, показывала цирковые номера на улице и не брезговала ночевать в углу комнаты. Ребенок стал следствием нарушения семейных обязательств. В этом кроется нравственная проблематика произведения.

Мы видим деконструкцию семьи и брака, традиционные семейные ценности разрушаются под влиянием сексуальной революции, но стоит отметить, что, возможно, именно такие отношения помогают избавиться от ненужности, одиночества, неприкаянности.

При изучении гендерного аспекта повести остается без подробного комментария образ девочки-подростка по прозвищу Тишорт, что обусловило *актуальность* нашего исследования. Обратимся к этому образу в рамках семейной темы и художественного раскрытия психологии подростков, рассмотрим функции ребенка в произведении.

С Тишорт читатель знакомится на первых страницах повести: «... Майка, по прозвищу Тишорт, пятнадцатилетняя, неопределенно-толстенькая, в очках...» [Улицкая 2018: 7]. Для характеристики Тишорт важен возраст, так как с точки зрения психологии ведущей деятельностью старшего подростка является стремление приобщиться к миру взрослых, ориентация поведения на нормы и ценности этого мира, эмансипация от взрослых и группирование. На протяжении всей повести важное значение имеет описание отношений Тишорт со взрослыми. «Алик оказался первым взрослым, кого она удостоила общением.... Она разговаривала только с детьми, с большой неохотой делала исключение для матери, остальные взрослые для нее просто не существовали» [Улицкая 2018: 10].

Особенность Тишорт, заключающаяся в «странном поведении», очень интересовала психологов и психоаналитиков, они «...строили сложные и весьма фантастические гипотезы о природе ее странного поведения. Нестандартных детей они любили, это был их хлеб» [Улицкая 2018: 10].

Выдвинуто предположение, что у Тишорт «странная форма аутизма, которым страдала девочка лет с пяти» [Улицкая 2018: 13].

Как уже говорилось выше, Тишорт общалась с людьми выборочно, но «Алик оказался первым взрослым, кого она удостоила общением...». На наш взгляд, причина такого внимания и живого интереса к Алику кроется в их связи на генетическом уровне. На протяжении всей повести у читателя появляются догадки о том, что Тишорт и Алика связывает что-то большее, а уже в конце повести, после смерти главного героя, читатель узнает, что догадки Тишорт о родстве с Аликом подтверждаются через диалог Тишорт с матерью и через внешние сходство с отцом: «Ирина погладила *рыжую голову* дочери...» [Улицкая 2018: 222].

Родственную связь ощущала не только Тишорт, но и Алик. Именно Тишорт становится «проводником» Алика в созданный им мир после смерти. Она размещает картины Алика в его квартире, создавая галерею и узнавая Алика как художника. Она же включает кассету, на которой записано послание Алика к своим друзьям. Выбор пал на Тишорт, так как она является продолжением его жизни, и их связь нерушима. Она [связь] воспринимается на онтологическом уровне, даже после смерти Алика, а на протяжении всей повести Алик пытается помочь Тишорт обрести себя.

Она не может определиться с той областью наук, которую хочет изучать, а после смерти отца, решает заниматься искусством. Запись Алика создала новый смысл жизни для каждого героя, примирила и укрепила отношения, разрушила стену непонимания и обид.

Тишорт уверена в том, что Алик не просто догадывался, а он точно знал, что она его дочь «...Он знал, конечно. - Голос у Тишорт был взрослый и усталый. - Ты думаешь, знал? - встrepенулась Ирина. Я не думаю, я знаю, - твердым голосом сказала Тишорт» [Улицкая 2018: 215].

Диалог после смерти Алика и его посмертная запись на кассете послужили разрушением той стены непонимания, что образовалась между Ириной и Тишорт. С ранних лет Тишорт была привязана к матери. В силу

своего замкнутого характера и, возможно, понимания того, что Ирина строит свою личную жизнь (напомним, что Тишорт родилась во время сексуальной революции и росла без отца), она установили такие границы между ними, но: «Долгие годы Тишорт не могла засыпать одна, и Ирина неслась с другого конца города, чтобы это несчастное молчаливое существо уткнулось в ее плечо и заснуло...» [Улицкая 2018: 222].

Условия, в которых находятся герои повести, заставляют их поступать снисходительно, с пониманием друг к другу. Никто из них не упускает возможность зайти в квартиру Алика, которая была как «проходной двор». В ней толпились люди разных национальностей, культур, взглядов на жизнь, вероисповедания, социального статуса, но сплоченные проживанием на «чужбине». К тому же они были объединены той Россией, которая была создана главным героем, где каждый свой, где жизнь Алика продолжается в памяти каждого героя, особенно в его внебрачной дочери, которая испытывает радость за покупку картин отца и сопереживает Нинке (жене Алика), о которой некому будет позаботиться.

Важно отметить, что детская травма Тишорт, которой были заинтересованы врачи, отражает психопатологии взрослых, в частности ее матери, которая избегала своей дочери, не шла с ней на контакт и не могла найти общий язык. Все эти признаки избегания общения мы находим в поведении Тишорт со взрослыми.

В образе Тишорт мы также наблюдаем отражение эпохи, в которой она живет. Социально значимые изменения в институте семьи и брака, изменения отношений между мужчиной и женщиной, время сексуальной революции и эмиграции, тоска по родине. Все эти аспекты читатель улавливает в разговорах Тишорт, в ее поведении, настроении и отношении к малознакомым людям.

Мастерство Улицкой заключается в художественном раскрытии психологии общения взрослых и подростка. В контексте семейной, гендерной и эмигрантской темы реализуется идея о первостепенной роли близкого взрослого в формировании человека, в особенности ребенка-подростка,

который нуждается в повышенном внимании, так как он находится на пути формирования своей личности, где помощь взрослого необходима, значима для принятия решения.

Ребенок, в данном случае девочка-подросток с прозвищем Тишорт (вместо настоящего имени), становится не просто биологическим продолжением отца Алика, но проводником идеи бессмертия так, как его понимал отец – через творчество (через картины, оставшиеся после смерти Алика и проданные галерейщикам). С помощью ребенка происходит обретение материнства и отцовства в полной мере. Следовательно, художественный образ ребенка-подростка в повести «Веселые похороны» чрезвычайно значим для реализации онтологического смысла описываемых судеб. Образ Тишорт сохраняет важнейшие функции, она относится к образам второго плана и выполняет вспомогательную функцию, но способствует выявлению смысла существования взрослого персонажа.

2.3. Поэтика образов детей на примере сборников рассказов Л. Улицкой «Девочки» и «Детство-49»

«В жизни человека есть периоды, когда он очень чувствителен. Прежде всего – время детства, когда все укрупнено, усилено, имеет дополнительные краски, как будто существует еще один спектр цветов, звуков... Стереоскопическое зрение ребенка срабатывает и до сих пор: меня так и не отпускают мои детские воспоминания» – признается Людмила Улицкая.

Сборник рассказов «Девочки» был написан в 2002 году. Он состоит из семи рассказов, которые повествуют о событиях, связанных главными героинями – девочками 9-11 лет. Для нашего исследования мы выбрали следующие рассказы: «Дар нерукотворный», «Чужие дети», «Подкидыш», «Второго марта того же года...» и «Ветряная оспа».

Тема семьи является сквозной в русской литературе, и анализируемый сборник рассказов оказывается тому подтверждением. Военное и послевоенное время всегда представляется временем разрушительным, когда меняются приоритеты и необходимо восстанавливать все по крупицам, в том числе семью.

Сборники рассказов «Девочки» и «Детство-49» повествуют о разном времени, но связующим звеном, «крупницами» этого времени являются дети. В малой прозе Улицкой ребенок становится центром повествования и функциональным образом, через который читатель видит не только становление и взросление ребенка, но и отражение эпохи, восприятие событий тех лет с детской точки зрения, позволяющей обнаружить какие-либо социальные и нравственные недостатки.

Рассказы «Чужие дети» и «Подкидыш» посвящены сестрам-близнецам Гаяне и Виктории Оганесян. Жизнь девочек описана с рождения, читатель видит процесс их взросления, восприятия самих себя и друг друга, становление их характеров и взаимоотношений.

В рассказе «Чужие дети» описывается появление сестер на свет, болезнь их матери Маргариты, забота о них в первые дни бабушкой Эммой

Ашотовной. Раскрываются взаимоотношения между Маргаритой, Серго (их отцом), Эммой Ашотовной и девочками.

Рассмотрим подробнее образы девочек-близнецов. Несмотря на то, что дети являются близнецами, сходство заключается в том, что «Они были очень похожи: темные густые волосики обозначали линию низкого и широкого лба, нежный пушок, покрывающий их лица, сгушался в тонкие длинные брови, а верхняя губа, как у матери и бабки была вырезана лукообразно <...>» [Улицкая, 2019: 40]. Помимо внешнего сходства их сближает «<...> семейное и кровное начало» [Улицкая, 2019: 40] между девочками, матерью и бабушкой. Во всем остальном дети были полными противоположностями, которые, как разные полюса магнитов, притягивались друг к другу.

Девочки общались только между собой, но бабушка приносила их каждое утро к матери, которая находилась в «умственном параличе» из-за непонимания с Серго, и Маргарита «опускала на них свои полупрозрачные пальцы, улыбаясь светло и безумно...» [Улицкая, 2019: 51]. Заботилась и ухаживала за девочками Эмма Ашотовна, «<...> принимала их как дар небес, любовно и благодарно, стыдясь момента первой неприязни к ним...» [Улицкая, 2019: 52].

Образы Гаяне и Виктории связываются с образами свечей для их отца Серго. «Детки твои, и они *две свечки*, были за тебя» [Улицкая, 2019: 58] – говорит Серго теща Эмма Ашотовна. Образ свечи в русской литературе встречается и в поэзии, и в прозе (А.А. Ахматова, И.А. Бунин, Б.Л. Пастернак и др.), в анализируемом рассказе данный образ встречается единожды, но он является основным для произведения. Дети были для Серго как свет во тьме. Тьма для героя – война, а его дети были проводником к жизни для него, по мнению Эммы Ашотовны.

Серго беспочвенно сомневался в своем родстве с девочками. Как и во многих своих произведениях, Улицкая наделяет героев преисполненностью не только черт характера, но и внешним сходством. У младшей (Виктории) «Левая ягодица была отмечена родинкой в форме перевернутой трехзубой

короны» [Улицкая, 2019: 52], у старшей (Гаяне) «тоже была родинка, но на правой ягодице, и форма ее была как-то размыта» [Улицкая, 2019: 53]. Единственным человеком, который мог бы указать на это сходство, была Маргарита, но она все так же сидела в своем кресле и разговаривала с любимым ею мужем.

В рассказе «Подкидыш» автор раскрывает характер сестер-близнецов, их психологическое состояние, которое претерпевает изменения в связи с какими-либо событиями. Виктория с рождения была более крепким ребенком, плакала, когда бутылочку давали сначала ее сестер. Повзрослев, Виктория начала испытывать раздражение к своей сестре. Гаяне всегда защищала бабушка и утешал отец, Виктории это доставляло большее раздражение и меньшее удовольствие от своих притеснений сестры.

Сестры были привязаны друг к другу, но колоссальная разница их характеров всегда подначивала Викторию к более жестким поступкам по отношению к Гаяне. Но, несмотря на все это, самым страшным наказанием для Виктории было разделение по углам. Она «с горестным лицом» сидела у двери в комнату к матери, куда отводили Гаяне, и ждала столько, сколько это было необходимо.

В анализируемом рассказе показаны ребяческие шалости, с помощью которых раскрываются детские персонажи, в частности их характеры, поступки. Вследствие различных характеров девочки выбирали и разные увлечения: «<...> Виктория славилась как рассказчица перевернутых сказок и самодельных историй, Гаяне же была наблюдательной молчаливицей, памятливой на чужие бантики, брошки, незначительные события и оброненные слова» [Улицкая, 2019: 70]. Примечательно, что никто из взрослых не был озабочен взаимоотношениями между девочками, главная забота о них заключалась в том, чтобы они были накормлены, чисто и опрятно одеты, во все остальные перипетии взрослые не вмешивались, так же, как и не вмешивались в жизни друг друга: «<...> в этой семье разговаривали только девочки либо с девочками» [Улицкая, 2019: 109].

Автор художественно реализует тонкое психологическое исследование “механизма” взаимодействия близнецов. Почему они столь различны по характеру? В чем причина соперничества? К чему может привести невольное (подсознательное) желание быть первым, или даже единственным? Как должны вести себя взрослые? Вот неполный перечень проблемных вопросов, которые затронуты в рассказах «Чужие дети» и «Подкидыш».

Рассказ «Дар нерукотворный» описывает читателю советскую действительность сквозь призму образов детей. Посвящение в пионеры было волнительным событием для каждого школьника, «<...> мероприятие это имело масштаб городской, республиканский и даже всесоюзный». Из третьего «А», «Б» и «В» классов были выбраны пять лучших из лучших учениц и учеников, которые дружными колоннами направились к музею, где они должны были произнести торжественные обещания и повязать красные, хрустящие галстуки – символ (знак) «несомненной *самостоятельности*».

Красный галстук наделил их не только самостоятельностью, но и желанием начать свою деятельность в пионерской организации. Дело нашлось быстро, но последствия и выводы из него каждая вынесла самостоятельно. Особенно пронцательна была Алена Пшеничникова, которая поняла, что товарища Сталина Т. Колыванова «по-настоящему не любила».

В музее девочки среди многочисленных подарков Сталину нашли его вышитый портрет. Оказалось, что этот портрет вышила безрукая тетка Тани Колывановой – Тамара Колыванова, которая, по легенде, лишилась рук «от фашистских пуль». Как оказалось, подарок для вождя был сшит не от чистого сердца, а от нужды и обиды за то, что никто не мог позаботиться о безрукой Колывановой. Читатель узнает о всей ситуации благодаря девочкам-пионеркам, которые, копируя поведение более старших товарищей, следуют обязанностям и торжественному обещанию. Родственница Тани Колывановой открывает девочкам мир неблагополучной и бедной жизни, тем самым выводя их из мира детства в мир взрослых.

В рассказе “В марте того же года...” (имеется в виду 1953 год – смерть В.Г. Сталина) поднимается проблема агрессивности ребенка, которая возникает, возможно, на почве неприязни к евреям, инициированной миром взрослых в сталинскую эпоху, или же из-за личных, подростковых отношений. Кульминацией рассказа является драка между Витькой Бодровым, представителем социального «дна», и Лилечкой Жижиморской, девочкой из еврейской семьи, представительницей более высокого социального класса в стране декларируемого равенства.

В рассказе представлено гипертрофированное проявление ярости, которое оборачивается серьезными физическими травмами. На наш взгляд, рассказ показателен тем, что в нем отражена не только эпоха и формирование определенных взглядов в ее [эпохи] контексте, но и то, как ребенок и его восприятие этого контекста становится отражением окружающей его действительности.

Немаловажно отношение взрослых к детям. После случившейся драки бабушка Лили пошла разбираться к маме Вити Бодрова из-за небольших царапин на ее лице. И если бабушка Лили была зла и взбешена случившейся ситуацией, то мама Бодрика не была обеспокоена тем, что ее сына тошнит из-за полученного сотрясения.

Автор продолжает следовать своей традиции и уделяет внимание физическим изменениям героини – все ее нутро противилось «неприятным» и «нечестным» изменениям тела, и только под боком у своего прадеда она находила успокоение. В рассказе, как и во всем сборнике, лейтмотивом проходит преемственность поколений, прадедушка «<...> на пороге смерти передает свое сомнительное богатство младшему колону, девочке на пороге девичества» [Улицкая, 2019: 117].

Эпоха представлена не только с помощью образов детей, но и с помощью некоторых деталей быта, например, грелка, привезенная из Венеции «образчик технического прогресса начала века» [Улицкая, 2019: 114], телевизор – «<...> редчайшая тогда редкость», а также отношений и дружбы

между людьми «<...> татары дружили с татарами, троечники – с троечниками, дети врачей – с детьми врачей. Дети *еврейских* врачей – в особенности» [Улицкая, 2019: 123].

В рассказе «Ветряная оспа» героини «<...> по обязанности своего зрелого возраста вынужденно расставались со своими куклами <...>» [Улицкая, 2019: 152], автор использует прием описания возрастных и переходных особенностей. Они уже входили в ту пору девичества, когда куклы могли находиться только под подушкой.

В гостях у Алены Пшеничниковой героини знакомятся с тайным миром взрослых, копируя ситуацию свадьбы, зачатия и рождения детей. Таня Колыванова приоткрывает им завесу интимной (физиологической) стороны жизни, среди одноклассниц она была самой знающей, и с тех пор к ней относились с уважением.

Сборник рассказов «детство-49» содержит шесть рассказов, которые были написаны во время перестройки и в начале двухтысячных. Рассказы объединены темой послевоенного времени (дата событий обозначена в заглавии) и мотивом чуда. Для нашего исследования мы взяли следующие рассказы: «Капустное чудо», «Восковая уточка», «Дед-шептун» и «Бумажная победа».

Мотив чуда отсылает нас к святочным рассказам XIX века. В своей работе «Поэтика цикла Л. Улицкой «Детство-49» Т.В. Садовникова пишет о том, что Улицкая продолжает традицию святочного рассказа, а именно, когда они [святочные рассказы] «становятся жизненно реалистическими, отражая нравы, быт людей или просто рассказывая о незамысловатых случаях из их жизни» [Старыгина, год: стр].

Каждый из рассказов повествует о ежедневных событиях, которые происходят с героями. Функциональными персонажами являются дети. С помощью их образов читателю открываются события послевоенного времени и быта семей. Каждая семья жила скромно, порой бедно, они перенесли тяготы

войны и, в данный момент, с приобретенным опытом продолжают жить дальше.

В рассказе «Капустное чудо» описана история двух сестер – шестилетней Дуси и ее младшей сестры Ольги. Первое время, когда их привезли к Ипатьевной, которая приходилась им двоюродной бабушкой, девочки молчали и даже не разговаривали между собой. Ипатьевна размышляла, оставлять ли их у себя, не будут ли они для нее обузой. После того, как она сводила их в баню и уложила спать на свою кровать, девочки освоились и сначала начали разговаривать между собой, а затем и с Ипатьевной.

Девочки стали спасением для старухи, настоящими помощницами, к тому же они были «золотые, ласковые...» [Улицкая, 2019: 238]. Автор дает внешнюю характеристику девочек – Дуся была «вострой», а глаза у сестер были одинаковые, «светло-голубые». Также отмечается такая черта характера Дуси, как «деревенская робость перед машинами». Девочки для Слонихи [Ипатьевны] стали не просто помощницами, они в такое тяжелое для всех время привязались и породнились друг с другом. Жизнь, к которой необходимо было адаптироваться всем, объединила их в семью.

В рассказе «Восковая уточка» мы видим историю Вальки Бобровой, которая, для того, чтобы заполучить восковую уточку у старьевщика Родиона, украли из дома половик. Воспоминания о восковой уточке Валентина пронесла сквозь года, даже став мастером спорта. Она почему-то вспоминала о нежной восковой уточке с «помятым крылом...» [Улицкая, 2019: 245]. «Всякий раз перед выступлением к ней приходило чувство холода и решимости [как в тот момент, когда она решила украсть половик и обменять его на уточку].

Ради такого поступка, Валя переборола себя и свой страх перед матерью: «Она подобралась, как пружина, минуты не думая, схватила половик...» [Улицкая, 2019: 244]. Помимо Вали есть и второстепенные персонажи (чаще дети), которые, как и она, приносили на обмен вещи. Например, Сашка Молокин подобрал три галоши после демонстрации на майских праздниках и

хотел обменять их на шар с лебедем. Художественно представлены мечты и желания детей, которые в то тяжелое время осуществить было практически невозможно.

В рассказе «Дед-шептун» автор также изображает традицию преемственности поколений. Дедушка дарит десятилетнему внуку Алику часы: «Это был невиданно богатый по тем временам подарок» [Улицкая, 2019: 247], часы служили бы семейной реликвией. Но большее внимание уделяется образу младшей сестры Алика – Дины. Ее желание иметь такие же часы помогает преодолеть страх перед родителями и братом. Она взяла их и случайно разбила во дворе своего дома. Собрав все детали, Дина принесла часы домой, и дедушка, чтобы утешить свою внучку, собрал часы заново, несмотря на то что дедушка был слепой. Дина была изумлена тем, что у дедушки получилось починить часы, она спросила: «– Скажи, ты не слепой, да? Ты видишь? – Пожалуй, кое-что вижу. Но только самое главное» [Улицкая, 2019: 252] – ответил дедушка, проявляя мудрость и доброту.

Рассказ «Бумажная победа» содержит историю о мальчике Гене Пираплетчикове, который был обеспокоен нелепостью своей фамилии, имел странную «прыгающую походку», не мог дышать носом, из-за чего сохли губы и надо было из постоянно облизывать, а также у Гени не было отца – «все это, вместе взятое, делало Геню несчастным человеком» [Улицкая, 2019: 275].

В городе наступила весна, и приближался день рождения Гени, на который его мама пригласила детей со двора. Пригласила она их не потому, что Геня с ними дружил. Дети, наоборот, его обижали, но таким образом мама хотела показать, что Геня готов дружить.

Дружба между детьми состоялась не только благодаря усилиям и таланту мамы Гени, но и благодаря его умению делать фанты, которые взбудоражили дворовых девчонок и мальчишек, и каждый хотел не только заполучить бумажные игрушки, но и научиться делать их самостоятельно. Геня впервые испытывал счастье наяву, а не во сне. Соседские дети впервые восхищались «его чепуховым талантом».

Проанализировав сборник «Детство-49», можно сделать вывод о том, что автор сохраняет и передает читателю обстановку и события тех лет через самых чувствительных и восприимчивых персонажей – детей. В сборнике мы видим зыбкое время для всех поколений, но поколение, на которое возлагаются надежды, только подрастает, и то, какими людьми они будут в будущем, зависит от их окружения – родителей, бабушек, дедушек, друзей и старших товарищей.

Мы проанализировали произведения и определили ряд художественных средств, с помощью которых представлены образы детей в малой прозе Л. Улицкой.

1. Описание нарратором портрета ребенка и его окружения (Алена Пшеничникова, рассказ «Ветряная оспа»; сестры Оля и Дуся, рассказ «Капустное чудо»);
2. Ретроспекция повествования, где рассказчик описывает свое восприятие мира в прошлом, автобиографизм (рассказ «Дар нерукотворный»).
3. Описание ребенка через восприятие родителей или других персонажей (Эмма Ашотовна и ее дочь Маргарита, рассказ «Чужие дети», Геня Пираплетчиков, рассказ «Бумажная победа»; Колюня «Счастливый случай»);
4. Отражение взросления ребенка через поступки и осмысление собственных переживаний (Лили Жижморская, рассказ «В марте того же года...»; Сережа, рассказ «Гвозди»; Дина, рассказ «Дед-шептун»);
5. Сопоставление характеров персонажей (Сестры Гаяге и Виктория Агонесян, рассказы «Чужие дети», «Подкидыш»; сестры Оля и Дуся, рассказ «Капустное чудо»; Геня Пираплетчиков, рассказ «Бумажная победа»);
6. Описание психологических особенностей, эмоционального состояния ребенка (Таня Колыванова, рассказ «Бедная счастливая Колыванова», Валька Боброва, рассказ «Восковая уточка»);

Исходя из перечисленных художественных средств, с помощью которых создаются образы детей в малой прозе Л. Улицкой, можно сделать вывод, что дети являются не только сюжетообразующими и центральными персонажами рассказов, но они выполняют важную функцию – отражают эпоху. Именно детское восприятие, их познание мира дают читателю представление о временной парадигме, портрет эпохи, на фоне которой проходит их взросление и сближение с реальным миром взрослых.

ГЛАВА III. ОРГАНИЗАЦИЯ ВНЕУРОЧНОЙ РАБОТЫ ПО ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Л. УЛИЦКОЙ)

3.1 Методические рекомендации (разработка конспекта внеурочного мероприятия)

Внеурочная деятельность организуется по направлениям развития личности (спортивно-оздоровительное, духовно-нравственное, социальное, общеинтеллектуальное, общекультурное) в таких формах как художественные, культурологические, филологические, хоровые студии, сетевые сообщества, школьные спортивные клубы и секции, конференции, олимпиады, военно-патриотические объединения, экскурсии, соревнования, поисковые и научные исследования, общественно полезные практики и другие формы на добровольной основе в соответствии с выбором участников образовательных отношений. Объем внеурочной деятельности обучающихся при получении среднего общего образования – до 700 часов за два года обучения [ФГОС среднего общего образования].

Внеурочная деятельность является неотъемлемой частью учебного процесса современного школьника. На данных уроках обучающийся может не только проявить себя и развить в себе определенные качества, благодаря внеурочной деятельности у учителя появляется возможность привлечь главный институт в формировании личности ребенка – семью.

Для старших подростков актуальной темой является семья, взаимоотношения между старшими и младшими поколениями. В нашей работе мы хотим актуализировать не только значение семьи для самих обучающихся, но, в первую очередь, проанализировать, как менялись и меняются семьи, каковы причины (например, социальные), чем отличается современная семья от семей предыдущих поколений, и прийти к выводу, насколько важна и значима семья для современных подростков.

Для того, чтобы провести внеурочное занятие по литературе и ответить на все поставленные вопросы, мы выбрали интерактивную и творческую форму работы – *музейная комната*. Данный формат мы будем реализовывать

с помощью художественных произведений (рассказы «Счастливый случай», «Бумажная победа») и привлечения членов семьи обучающихся (мамы, папы, бабушки, дедушки и т.д.)

Данный формат предполагает работу всего класса, в некоторых случаях целесообразно работать в подгруппах, например, если художественное произведение большого объема. Данная форма работы заключается в воссоздании интерьера и его особенностей того времени. В нашем случае, это послевоенные года, а точнее 1949 год. Мы воссоздадим образ семьи той эпохи не только за счет художественного произведения, но и за счет воспоминаний старшего поколения.

Внеурочная работа по литературе в 10 классе по рассказам Л. Улицкой из сборника «Детство-49» («Счастливый случай», «Бумажная победа»).

Тема: «Семья прошлого и семья современная»

Вид внеурочной деятельности: художественное творчество

Форма внеурочной деятельности: музейная комната

Цель: анализ художественного произведения, с помощью которого воссоздается эпоха, сопоставляется литературное изображение и личные воспоминания близких родственников учащихся.

Универсальные учебные действия:

- Коммуникативные: владеть навыками работы в коллективе, участвовать в обсуждении; уметь слушать и вступать в диалог (полилог), уметь аргументировать свою позицию и комментировать свои решения;
- Личностные: следовать моральным нормам; умение ставить перед собой адекватную цель в достижении результата;
- Регулятивные: умение следовать поставленной цели и обозначенным задачам; контролировать и оценивать свои действия, вносить соответствующие коррективы в их выполнение;

- Познавательные: умение осуществлять поиск необходимой информации; умение осуществлять расширенный поиск информации (библиотеки, Интернет и др.).

Представленная внеурочная деятельность по литературе будет посвящена семейной теме. Улицкая уделяет теме семьи большое внимание, сюжетообразующими и функциональными персонажами в малой прозе автора являются – дети. В малой прозе Улицкой главным является отражение эпохи, восприятие событий тех лет с детской точки зрения, позволяющей обнаружить какие-либо социальные и нравственные недостатки. С помощью произведений, выбранных нами для внеурочной работы, мы проанализируем представленную эпоху с точки зрения не только героя-ребенка, а с точки зрения всей семьи, определим особенности художественного мира автора.

Ход внеурочной работы по литературе:

1. чтение произведений («Счастливый случай», «Бумажная победа»)

Задание:

- прочитать выписать/выделить предметы быта, описание квартир/комнат, описание одежды, характеристики героев;
 - выбрать понравившиеся отрывки для последующей беседы;
2. обсуждение/беседа/дискуссия среди обучающихся по выбранным фрагментам; анализ произведений;

3. распределение по подгруппам

Задание:

- собрать предметы быта для создания квартиры того времени;
 - воссоздание деталей одежды главных героев и предметов интерьера (фотографии, картины, плакаты и т.д.);
 - провести опрос/интервью у старшего поколения о жизни в послевоенные годы;
 - оборудование музейной комнаты по рассказам Л. Улицкой;
4. организация встречи «Экскурсия в XX век»

Задание:

- на встречу приглашены родители, бабушки, дедушки и т.д., которые могут прочитать произведения и выбрать отрывки для обсуждения;
- представители старшего поколения могут подготовить фотографии и истории жизни в послевоенные годы, воспоминания о послевоенном детстве или 60-70-х годах;

Работа с текстом:

- обсуждение, комментарии;
- чтение фрагментов (как автор передает атмосферу? каково художественное пространство героев? с помощью чего автор передает описание эпохи? и т.д.)

По желанию учителя и учащихся может быть организовано несколько встреч. Можно предложить обучающимся инсценировать фрагмент рассказа, сделать экспозицию ключевого фрагмента. На встречу могут быть также приглашены члены семьи для обсуждения.

Любая деятельность обучающегося в современной школе предполагает наличие не только рефлексии, но и продукта. По данной теме и в рамках представленной формы таким продуктом может быть:

- альбом с подписями членов семьи, их высказывания на тему современной семьи;
- альбом с иллюстрациями/фотографиями и ключевыми цитатами из произведений;
- эссе/сочинения по рассказам старшего поколения от обучающихся и др.

Методическая рекомендация, разработанная в рамках темы выпускной квалификационной работы, поможет ознакомиться с произведениями посмодернизма и современными авторами. Проанализировать «вечные темы» и литературные традиции, которые складывались на протяжении веков в русской литературе, сравнить их и проследить/обозначить, как изменилось понимание семейной темы, какие мотивы и лейтмотивы ее окружают.

Художественный мир автора является немаловажным для анализа произведения, таким образом, с помощью внеурочной деятельности можно расширить не только читательскую эрудицию и способствовать формированию отношения к семье, как жизненной ценности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследователи считают, что семейная тема является ведущей в творчестве Улицкой и реализуется в произведениях разных жанров. В рамках семейной темы мы обнаруживаем, что Улицкая тяготеет к семейной хронике как сюжетно-типологической модели (роман «Медея и ее дети»). В повести «Веселые похороны» семейная тема приобретает иную трактовку, связанную с распадом традиционных представлений о семье в современном обществе. В рассказах семейная тема также значима в аспекте семья и общество.

Тема детства сопряжена с семейной темой в творчестве Л.Е. Улицкой, она расширяется и углубляется, переносится из сферы сугубо психологической в область метафизическую связывается с проблемой восприятия ребенком основополагающих нравственных ценностей. Можно утверждать, что творчество Улицкой по-своему автобиографично. Детство – это то, что оберегается и хранится в памяти каждого: в памяти писателя, героев и читателей.

На основе собственного анализа, сделаны следующие выводы. В соответствии с поставленной целью в работе были проанализированы образы детей (подростков) в рамках семейной темы (на материале романа «Медея и ее дети», повести «Веселые похороны», рассказов из цикла «Девочки»). На основе изучения статей, диссертационных работ, публикаций в журналах можно сделан вывод о том, что семейная тема рассматривается специалистами в разных аспектах, начиная от мифопоэтики и заканчивая «новейшей герменевтикой». Именно семья в художественном мире Л. Улицкой приобретает значение доминирующей аксиологической категории. Тема семьи/рода актуализируется в прозе рубежа XX-XXI веков, и в частности в раннем и позднем творчестве Улицкой.

Семейная тема является сквозной в произведениях Л. Улицкой. Образ ребенка, в контексте семейной темы, несет в себе конструктивную семантику, является доминантой в ряду представленных образов, интонирующих мотив

детства, которые наиболее полно воплотились в раскрытии ключевых моментов особенной роли ребенка в семье, его особого положения.

В прозе Улицкой детство изображено как период пробуждения «я», исток всей последующей жизни. Вместе с тем детская тема иногда приобретает расширенное до символического значение. Так, например, по нашим наблюдениям, в романе «Медея и ее дети» детьми является каждый член семьи, от братьев и сестер до единственного мужа.

Анализируя этот первый в творчестве Улицкой роман, нельзя не отметить, что при его создании писательница опирается на реалистическую традицию, описывает более подробно традиционный (патриархальный) семейный уклад. Улицкая показывает роль устоявшихся семейных ценностей (важность генетической памяти, дома, семьи, продолжения рода, ответственности перед предками и будущими поколениями).

Следуя традициям русской литературы, Улицкая показывает достаточно подробно детство героев и их внутрисемейные отношения друг с другом. Такое пристальное внимание к теме детства обуславливается необходимостью раскрыть внутренний мир персонажей, особенности характера и причины совершаемых поступков. Начиная с этого романа и в дальнейшем автор показывает детство героев в контексте социальной эпохи: войны, революции, эмиграции, где переживания детей не менее значимы, чем переживания взрослых.

В художественном мире Улицкой показана возможность стать членом семьи через брак, усыновление, принятие в семью людей разных национальностей и культур, возможность всегда вернуться под родной кров, где каждая мелочь знакома с детства – все это составляет бытийный план существования и бытийную проблематику произведений автора.

Семейная тема в романе и в дальнейших произведениях Улицкой представлена полярно, с одной стороны, семья является опорой, поддержкой и социально значимой составляющей в жизни человека, с другой стороны, семейные отношения могут претерпевать разлад, разрушение духовного

единения. Для некоторых героев Улицкой семья перестает быть ценностью (Маша и Бутонов «Медя и ее дети», герои повести «Веселые похороны», герои рассказы «Счастливая Колыванова»).

Показывая деструкцию семьи и брака, Улицкая отмечает, что количество детей в одной семье у поколения 60-70-х годов значительно снизилось. Семьи, как правило, состоят из трех человек, реже в семьях бывает 2-3 ребенка, что было немыслимо для предыдущих поколений. Меняется не только отношение к семье и браку, но и отношение к самому себе.

Все это доказывает, что в художественной реализации темы семьи Улицкая проводит мысль о том, что человек, не имеющий духовного родства и покровительства, может не совладать со своими стихийными чувствами, быть эмоционально-неустойчивым и может быть подвержен разного рода опасностям.

В повести «Веселые похороны» герои-эмигранты могут рассматриваться как блудные дети – инвариант евангельского мотива/притчи о «блудном сыне». Здесь мы также можем проследить, что герои повести оторваны от своего Отечества не только физически, но и духовно.

В контексте семейной, гендерной и эмигрантской темы в «Повести веселые похороны» реализуется идея о первостепенной роли близкого взрослого в формировании человека, в особенности ребенка (подростка), который нуждается в повышенном внимании. Ребенок становится не просто продолжением рода, он [ребенок] становится проводником идеи бессмертия. Следовательно, художественный образ ребенка чрезвычайно значим для реализации комплекса онтологического смысла описываемых судеб.

О теме детства Улицкая, во многих произведениях, пишет, как об очень тяжелом, драматичном периоде человеческой жизни. Зачастую дети в прозе Л. Улицкой — это «маленькие взрослые». В этом случае тема детства приобретает отрицательные коннотации в тех произведениях автора, в которых исследуются истоки развоодушевления людей, в результате которого

исчезают духовные традиции, утрачиваются родственные связи, происходит нравственное вырождение личности.

Основываясь на анализе рассказов заметим, что Улицкая пишет о детства как о тяжелом периоде жизни.

На основе всех проанализированных текстов, мы определили ряд художественных средств, с помощью которых созданы и представлены образы детей в малой прозе Л. Улицкой.

1. Описание нарратором портрета ребенка и его окружения (Алена Пшеничникова, рассказ «Ветряная оспа»; сестры Оля и Дуся, рассказ «Капустное чудо»);
2. Ретроспекция повествования, где рассказчик описывает свое восприятие мира в прошлом, автобиографизм (рассказ «Дар нерукотворный»);
3. Описание ребенка через восприятие родителей или других персонажей (Эмма Ашотовна и ее дочь Маргарита, рассказ «Чужие дети», Геня Пираплетчиков, рассказ «Бумажная победа»; Колюня «Счастливый случай»);
4. Отражение взросления ребенка через поступки и осмысление собственных переживаний (Лили Жижморская, рассказ «В марте того же года...»; Сережа, рассказ «Гвозди»; Дина, рассказ «Дед-шептун»);
5. Сопоставление характеров персонажей (Сестры Гаяге и Виктория Агонесян, рассказы «Чужие дети», «Подкидыш»; сестры Оля и Дуся, рассказ «Капустное чудо»; Геня Пираплетчиков, рассказ «Бумажная победа»);
6. Описание психологических особенностей, эмоционального состояния ребенка (Таня Колыванова, рассказ «Бедная счастливая Колыванова», Валька Боброва, рассказ «Восковая уточка»);

Исходя из перечисленных художественных средств, с помощью которых создаются образы детей в прозе Л. Улицкой, можно сделать вывод, что дети являются сюжетообразующими персонажами в рассказах, а в повести и романе, также являясь персонажами второго плана, выполняют важную

функцию – отражают эпоху. Именно детское восприятие, их познание мира, дают читателю представление о временной парадигме, в которой проходит взросление и сближение с реальным миром взрослых. Мастерство Улицкой заключается в художественном раскрытии психологии общения взрослых и ребенка (подростка).

В условиях современной действительности, отмеченной отрицательными явлениями частичной утраты или отказа от традиционных семейных ценностей, особо возрастает воспитательное значение литературы. Методический раздел работы содержит разработку внеурочной деятельности по литературе для 10-11 классов, целью которой является: анализ художественного произведения и воссоздание эпохи того времени, для более глубокого понимания художественного мира автора.

Представленная внеурочная деятельность актуализирует важную проблему для старшего подростка – проблема семьи и внутрисемейных отношений, которая является ключевой в художественном мире автора. С помощью интерактива, привлечения семьи обучающихся, детального анализа произведений, в ходе внеурочной деятельности мы прокомментируем и проанализируем «вечные темы» и литературные традиции, которые складывались на протяжении веков в русской литературе, сравним их и проследим/обозначим, как изменилось понимание семейной темы, какие мотивы и лейтмотивы ее окружают.

Предлагаемое мероприятие (встреча поколений в музейной комнате) будет способствовать пониманию произведений современного автора и связи литературы с личной историей, историей семьи самого читателя-старшеклассника. Таким образом, с помощью внеурочной деятельности можно расширить не только читательскую эрудицию и способствовать формированию отношения к семье, как жизненной ценности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аганесов В.А., Колядич Т.М, Трубина Л.А. и др. / Под ред. Т.М. Колядич Русская проза конца XX века: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2005.С. 369 – 391
2. Беляков С. Дон Кихот из Хайфы // Новый мир. 2007, № 5
3. Георгадзе М. Интервью с Л. Улицкой. // НаСтойащая литература. – 2003. – Май
4. Горелик М.Я. Прощание с ортодоксией // Новый мир. – 2007. – № 5
5. Горохова О. В. Детскость творческой личности в русской культуре XX века // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. — 2009. — № 99. — С. 331–334.
6. Гостева А. Принимаю все, что мне дается: Интервью с Гостевой А. // Вопросы литературы. – 2000. – № 8
7. Грицанов А.А., Можейко М.А. Постмодернизм. Энциклопедия. Минск: Интерпрессервис: Книжный дом, 2001. – 1040 с.
8. Егорова Н.А. Проза Л. Улицкой 1980 – 2000-х годов: проблематика и поэтика: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.А. Егорова. – Астрахань, 2007. – 22 с. 2
9. Золотоносов М. Мужчина ее мечты / М. Золотоносов // Московские новости. – 2004. – 13 февраля. – С. 7
- 10.Иванова Н.Б. Современная русская литература: метасюжет и его восприятие: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. Б. Иванова. – СПб: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2006
- 11.Казарина Т. Рецензия на сборник Л. Улицкой
- 12.Ковтун Н.В. Мифология поиска истины в раннем творчестве Л. Улицкой. Архангельск: Вестник Северного (Арктического) федерального университета: Гуманитарные и социальные науки, 2013. С. 75– 84.

13. Ковтун Н.В. Мифопоэтика сюжета о поиске и обретении истины в повести Л. Улицкой «Сонечка». Екатеринбург: Известия Уральского федерального университета: Гуманитарные науки, 2014. С. 233– 248.
14. Колядич Т. М., Капица Ф. С. Русская проза XXI века в критике: рефлексия, оценки, методика описания. М.: Флинта, 2010. 430 с.
15. Корелова И.И. Национальная концептосфера и идиоконцептосфера: дис. ... канд. фил. наук. – 2009
16. Кучина Т.Г. Современный отечественный литературный процесс. 11 класс: учеб. пособие. – М.: Дрофа, 2006. – С. 292- 303
17. Лариева Э.В. Концепция семейственности и средства ее художественного воплощения в прозе Л. Улицкой: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Э. В. Лариева. – Петрозаводск, 2009
18. Лейдерман Н. Л. Современная русская литература / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. – М., 2001. – Кн. 3
19. Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб: Искусство, 1998. С 212.
20. Максимова Т. Быть персонажем Людмилы Улицкой опасно // Комсомольская правда. 2005. 27 июля
21. Матвеевко А.О. Семейные отношения и образ ребенка-подростка в прозе Л. Улицкой (на примере повести «Веселые похороны»). Актуальные проблемы современной филологии: материалы IX Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39220452> – свободный. Красноярск. – 2019 г. – С. 31-33.
22. Нефагина Г.Л. Русская проза конца XX века: Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, – 2003. – 320 с.
23. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь Ожегова и Шведовой [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/ozhegov/%D0%B0> свободный. – (дата обращения: 21.04.2020)

- 24.Осьмухина О.В. В поисках утраченной толерантности: Людмила Улицкая / О. В. Осьмухина // Вопросы литературы. – 2011. – № 1. – С. 144 – 158
25. Побивайло О.В. Мифопоэтика прозы Людмилы Улицкой: дис. ... канд. фил. наук. – 2009
- 26.Пушкарь Г. А. Типология и поэтика женской прозы: гендерный аспект (на материале рассказов Т. Толстой, Л. Петрушевской, Л. Улицкой): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. А, Пушкарь. – Ставрополь, 2007
- 27.Савина Л. Н. Проблематика и поэтика автобиографических повестей о детстве второй половины XIX века (Л.Н. Толстой «Детство», С.Т. Аксаков «Детские годы Багрова-внука», Н.Г. Гарин-Михайловский «Детство Темы») Волгоград, 2002. С. 137
- 28.Савкина, И. Род/дом: семейные хроники Л. Улицкой и В. Аксенова / И. Савкина // Семейные узы: модели для сборки: сб. ст. – Кн. 1; ред. С. Ушакин. – М.: Новое литературное обозрение, 2004
29. Серебрякова Е.Г. Тема эмиграции в прозе С. Довлатова и Л. Улицкой // Филол. зап. – Воронеж, 2006. – Вып. 25. – С. 245–253.
30. Скокова Т. А. Проза Людмилы Улицкой в контексте русского постмодернизма: дисс. ... к. филол. н. М., 2010. 168 с.
31. Смородина А.И., Смородин К.В. «Казус от Улицкой» // Москва. – 2008. – № 8. С. 212– 226
- 32.Соловьев В.А., Михайлов А.Л. Смысл жизни как проблема философии // Молодой ученый. 2017. №19. С. 431– 433
- 33.Суранова М. Стала писателем, когда меня выгнали с работы: интервью с Л. Улицкой [Электронный ресурс] // Собеседник. Режим доступа: <http://www.sobesednik.ru/issues/159/rubr/1100/person/6285>.
- 34.Танкова Н. Мотив дома в романе Л. Улицкой «Медея и ее дети» // Современность в литературном осознании. М., 2008. № 5. С. 147– 156

- 35.Тими́на, С. И. Ритмы вечности (Роман Л. Улицкой «Медея и ее дети») / С. Тими́на // Русская литература XX века в зеркале критики: хрестоматия; сост. С. И. Тими́на, М. А. Черняк. – СПб: Академия, 2003
- 36.Улицкая Л. «Веселые похороны». – М.: Изд-во АСТ, 2018. – 222 с.
- 37.Улицкая Л. «Девочки». – М.: Изд-во АСТ, 2019. – 285 с.
- 38.Улицкая Л. Зеленый шатер: роман. М.: Эксмо, 2011. 592 с.
- 39.Улицкая Л. «Медея и ее дети». – М.: Изд-во АСТ, 2018. – 352 с.
- 40.Улицкая Л. Принимаю все, что дается // Вопросы литературы. – 2000. – № 1. – С. 234
- 41.Улицкая Л. «Священный мусор: поднимаясь по лестнице Якова: [рассказы, эссе, интервью]» – М.: Изд-во АСТ, 2018. – 574 с.
42. Федеральный государственный общеобразовательный стандарт среднего общего образования (10-11 кл.) Источник: <https://fgos.ru/#001d1b20ca6240844>. – дата обращения (10.05.20 г.)
- 43.Черняк, М. А. Современная русская литература / М. А. Черняк. – СПб; М., 2004
44. Чистякова О. Н. Концепт СЕМЬЯ в повести Л. Улицкой «Медея и ее дети» // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: материалы Международной научной конференции. Казань: Изд-во КГУ, 2004. С. 213– 216.
- 45.Шингарева Ю. Принцип Улицкой: без трупов и уныний: Интервью. Аргументы и факты. – 2003. – № 10